

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.94

Исчезающие саамы, прогресс в действии: финская лаппология и представления о саамах в обществе в начале XX в. ¹

© **Лехтола Вели-Пекка**, доктор философии, профессор, Институт Гиллагас.

E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi

Университет Оулу, Финляндия.

Аннотация. В статье рассматриваются представления о саамах в финских исследованиях в 1920 и 1930-х гг. Роль расовых исследований в финской лаппологии была кратковременной, в то время как доминирующая научная сфера интересов, финно-угорское исследование, имела свои собственные иерархии относительно саамов в междисциплинарной области от лингвистики до фольклористики и этнологии. Этому направлению противостояло антропологическое или культурно-географическое положение, подчёркивающее культурную адаптацию к окружающей среде как руководящую силу, формирующую саамские общества. Помимо чисто научных знаний, в статье рассматривается обширная область других саамских описаний: от путеводителей до газетных статей. Предполагается, что эта смесь научных и политических данных вместе со стереотипными представлениями о саамах формирует контекст плохой репутации лаппологии среди более поздних исследователей.

Ключевые слова: финская лаппология, финно-угорское исследование, человеческая антропология, представления о саамах

Vanishing Lapps, progress in action. Finnish lappology and representations of the Sámi in publicity in the early 20th century ²

© **Veli-Pekka Lehtola**, PhD, professor, Giellagas Institute. E-mail: veli-pekka.lehtola@oulu.fi.

University of Oulu, Finland.

Abstract. The article examines how the representations of the Sámi were constructed in Finnish studies on Sámi in 1920 and 1930s. The role of racial studies in the Finnish lappology remained a short-period influence, while the dominant scientific field of interest, the Finno-Ugric research, had its own hierarchies concerning the Sámi, implied in the multi-disciplinary field from linguistics to folkloristics and ethnology. This branch was challenged by the human anthropological or cultural geographical position, emphasizing the cultural adaptation to the environment as the guiding force formulating Sámi societies. Besides purely scientific knowledge, the article studies the extensive field of other Sámi descriptions, which spanned from travel guides to newspaper articles. It suggests that this mixture of scientific and political interests together with stereotypical representations of the Sámi forms the context for the poor reputation of lappology among the later researchers.

Keywords: Finnish lappology, Finno-Ugric research, human anthropology, representations of the Sámi

Лаппология («ранние исследования саамов, проводимые неспециалистами») часто дискредитировалась в ходе нынешних исследований саамов. Согласно опубликованной в Финляндии энциклопедии о саамах (2005), лаппология «была искажена многочисленными научными и социальными предрассудками, такими как поиск экзотики, романтическая кон-

¹ Перевод на английский язык выполнен Йоуко Сало.

² Translated by Jouko Salo.

цепция человека, социальный дарвинизм и т.д». [1, Pulkkinen R., с. 189]. Норвежский исследователь Штайн Р. Матисен отмечает, что лаппология изначально была нейтральным понятием, но теперь она связана с исследованиями, контролируемые правящим классом, социальным дарвинизмом, физической антропологией и политикой ассимиляции [2, с. 104–105].

Образ саамов, созданный лаппологией, подвергся критике со стороны Эдварда Саида как северная версия востоковедения [3, Hirvone V, с. 33–34]. Лаппология считается противоположностью современным исследованиям саамов [4, Seurujärvi-Kari I., с. 356], развитие которой было описано даже как очевидное изменение парадигмы [5, Pääkkönen E., с. 106]. В отличие от этих аргументов, историк науки Пекка Исакссон в своей диссертации [6, с. 325] делает вывод, что взгляды финских расовых исследователей в начале XX в. нельзя расценивать как откровенно расистские. Исакссон утверждает, что эти взгляды выявили этноцентристские и стереотипные, но не расистские акцентуации. С другой стороны, некоторые филологи заявили, что саамская лингвистика не претерпела каких-либо революционных изменений. [Исследователь Анте Айкио, личная переписка.]

Эти противоречивые и отчасти противоположные взгляды на лаппологию отражают тот факт, что история саамских исследований в Финляндии не была проанализирована достаточно глубоко. Помимо лингвистики, которая хорошо освещена в истории исследований [7, Sammallahhti P.], а также некоторых основных статей по истории исследований саамов в Финляндии [8, Müller-Wille L.], дискуссии о развитии исследований саамов в значительной степени были основаны на предположениях и, я бы сказал, даже предрассудках в отношении характера лаппологии. Исходя из этих предположений, переход от «эпохи лаппологии» к современным саамским исследованиям считается драматическим изменением.

В своей статье о профиле норвежского исследователя Дж. К. Квигстада, профессор Ларс-Ивар Хансен формулирует плодотворную модель для изучения лаппологических исследований. Он рассматривает этот вопрос с трёх точек зрения, то есть с точки зрения науки, политики меньшинств и культурных концепций. По мнению Хансена, достоинства Квигстада как представителя эмпирической традиции лаппологических исследований совершенно неоспоримы, тогда как его культурные взгляды явно связаны с их временем. Хансен считает политическое влияние меньшинств Квигстада наиболее проблематичным: как эксперт по вопросам саамов, он влиял на решения в отношении политики саамов, основанные на культурных концепциях, которые имели чёткие связи с колонизаторской властью [9].

Таким образом, модель Хансена связывает работу лаппологов с общими научными рамками (парадигмами), с эффектами, которые производили исследования саамов, и мне-

ниями, существовавшими относительно саамов, практической саамской политики и представлениях. Такая установка делает исследования и тексты сложной частью отношений между саамами и большинством населения, в то время как в колониальном правительстве существовал спрос на знания о саамах. Хотя Дж. К. Квигстад, как и его финский коллега Т. И. Иконен, например, хотел рассматривать исследования как «чистую науку», не имеющую ничего общего с политикой или колониализмом, их выводы отражали потребности сторонних лиц и одобрялись теми, кто мог принимать решения, а также широкой общественностью в колониальной ситуации [10, Rautio Helander K., с. 121].

Недавние исследования показали, что экспертная роль, которую получали лаппологи, была противоречивой: Квигстад, например, воспользовался норвегизацией в том плане, что ему предложили должность, в которой он смог реализовать свои академические амбиции и интерес к саамской культуре; однако в то же время он стал частью политики ассимиляции, которая была вредной для саамов. Есть сведения, что он иногда размышлял о своей противоречивой роли, но также был убеждён, что делает неоценимую работу, документируя «последние следы исчезающих людей». [11, Lehtola V.-P., с. 47–49].

Эта смесь научных и политических интересов с представлениями о саамах в целом, по-видимому, формирует контекст и для плохой репутации лаппологии среди более поздних исследователей. В этой статье рассматривается, как представления о саамах были репрезентированы в финских исследованиях в 1920 и 1930-х гг., и насколько точна концепция лаппологии для их оценки. Помимо чисто научных знаний, рассматривается обширная область других саамских описаний, которые также охватывают путеводители по газетным статьям и которые, похоже, отражены в критических комментариях по лаппологии, которые я приводил в начале.

Помимо научных описаний и представлений в средствах массовой информации, мой интерес сосредоточен на взглядах государственных служащих, работающих в Лапландии; они занимали значительное положение в администрации саамского населения и пользовались фоновым влиянием в решениях, касающихся саамов. Следовательно, основное место в моей статье занимает «знание» о саамах: какие источники информации были доступны в Лапландии, от каких исходных точек были получены новые знания? Моя цель состоит в том, чтобы более точно определить туманную терминологию «лаппологии».

Многоплановые исследования в Лапландии

Период с 1910-х до 1930-х гг., по-видимому, означает золотой век «классической лаппологии» в Финляндии, потому что многие известные исследователи саамской культуры в этот

период построили свою карьеру. На рубеже века ведущими финскими лаппологами были лингвист Франс-Айма и географ Дж. Е. Росберг, опубликовавший в 1911 г. первую современную монографию о саамах в Финляндии, Лаппи (Лапландия).

Также Т. И. Итконен, Вяйнё Таннер и Самули Паулахарью начали свои исследования до независимости Финляндии в 1917 г. По Тартускому мирному договору 1920 г., Печенгский регион был присоединен к Финляндии, а Финляндия приобрела новую саамскую группу — скольт-саамы. Из-за закрытия российской границы Советским Союзом, финно-угорские исследователи вынуждены были совершать свои походы на север, а не на восток, что до сих пор было очень важным направлением [12, Vahtola J.]

Применяя разделение Людгера Мюллера-Вилле, можно увидеть три взгляда на культурные исследования, касающиеся саами в 1920-х и 1930-х гг.: исследование финно-угорских народов, географический подход и расовые исследования [8]. Доминирующей научной областью интереса к саамам в Финляндии было финно-угорское исследование, характеризующееся мультидисциплинарными перспективами от лингвистики до фольклористики и этнологии. Например, Итконен начал свои исследования скольт-саамов и их традиций ещё в студенческие гг. в 1910-х гг., а к 1920-м гг. стал одним из ведущих исследователей саамов. Помимо языкознания, он получил образование в области этнологии, а также изучал фольклор, религию и историю.

Следуя идеалам финно-угорских исследований, Итконен собрал обширные коллекции по материальной культуре, а также по традициям и языковым образцам, чтобы построить общую картину культуры саамов. Дополнительно к пожеланиям финно-угорских исследователей сохранить информацию об исчезающих культурах, Итконен был убежден, что достаточно большой материал выявит «истинную природу» первобытного финно-угорского менталитета и общества. Подобно Квигстаду в Норвегии и К.В. Виклунду в Швеции, Итконен написал множество работ по материальной и духовной культуре саамов для различных научных публикаций, пересекая границы таких дисциплин, как лингвистика, фольклористика, этнология и даже история. Большой объём статей послужил основой его написанного позднее фундаментального труда «Suomenlappalaiset I-II» («Лапландцы Финляндии») (1948) [13].

Самули Паулахарью, с другой стороны, не был академическим исследователем, хотя он также известен как «лапполог». В десяти своих наиболее известных работах о Лапландии и Финнмарке в 1919–1939 гг., которые были очень личными, стилизованными, а также иллюстрированными произведениями, он направлял читателей в северный мир на уровнях знаний и эмоций. Только две его книги действительно были о саамах, потому что он считал ис-

торию Лапландии совместной историей саамов и финнов, как пограничную культуру, которая характеризовалась многими особенными традициями, способом существования, а также языками [14, Paasilinna E., с. 299–300].

Сильной ветви финно-угорских исследований противопоставлялась позиция антропологического или культурно-географического направления, которое профессор Россберг уже представлял со своей «антропогеографической перспективой». Его последователи, географы Вяйне Таннер и Карл Никал вступили в контакт с саамами как картографы Печенги или «финской колонии» и таким образом «сопоставили» этнические, демографические и культурные обстоятельства.

В 1927 г. Таннер опубликовал исследование о том, как извлечь выгоду из экономических возможностей Печенги. Он принял финскую колонизацию в регионе, но хотел разделить жизнедеятельность финнов и скольт-саамов в соответствии с границами, подобными шведским *odlingsgräns*. Однако по мнению Таннера, развитие должно было основываться на местном укладе жизни населения. В своём антропологическом или культурно-географическом исследовании скольт-саамов 1929 г., он подчёркивал, что традиционное общество скольт-саамов, несмотря на «неорганизованный» характер, было лучше всего приспособлено к адаптации в окружающей среде. Оно также было многослойным, потому что существование саамской деревни было связано с природой и землепользованием [О Вяйне Таннере см. 15, Massa I.; 16, Susiluoto P.; 17, Nyyssönen J.].

Никал тоже прибыл на север в качестве представителя финского государства — как геодезист, который познакомился со скольт-саамами и их культурой во время своих земельных обследований. Как и Таннер, он хотел, чтобы финны знали об особом характере культуры скольт-саамов и активно участвовал в публичных дебатах. Научный интерес Никала к культуре саамов начинался с географических названий скольт-саамов, и он также начал собирать материал по саамской деревне и землепользованию. Как и Таннер, он хотел изучить исторические и местные вариации саамской культуры, а также различные способы активной адаптации к окружающей среде. Географы представили интересную точку зрения на историю окружающей среды в саамских исследованиях наряду с основными этнологическими исследованиями [18, Lehtola V.-P.].

В отличие от других скандинавских стран, расовые теории в основном не были реализованы в Финляндии до 1910-х гг., потому что в европейских теориях сами финны обычно считались недоразвитой монгольской расой [19, Kemiläinen A., с. 136.]. Отчасти тенденция шведскоязычной интеллигенции подчёркивать свои германские корни начала провоциро-

вать финских исследователей на инициализацию проекта расовых исследований в 1910 г. Однако именно независимость Финляндии в 1917 г. усилила финскую национальную риторику и антироссийские настроения, даже откровенную русофобию, которая способствовала желанию отделиться от восточных или монгольских корней в 1920-х и 1930-х гг. [6, Isaksson P., с. 189–198, 269–272].

Широкий исследовательский проект Yrjö Kajava по расовым свойствам финского населения в 1920-х и 1930-х гг. был крупнейшим обзором того времени, включающим описание финских племен, а также лиц, совершивших преступления, из-за их интересных расовых признаков. В общей сложности 37 процентов финских саамов были исследованы между 1926 и 1934 гг., всего 795 человек. Исследовательские группы, путешествующие с техническим оборудованием, вызывали различные негативные чувства на территории саамов.

«Иногда выяснялось, что население целой деревни скрывалось, когда становилось известно о приезде учёных», — сетует Наятанен. Особое недовольство саамов вызвала финская антропологическая экспедиция в 1934 г., которая эксгумировала 70 скелетов на старом островном кладбище Инари в целях научных исследований в анатомическом отделении Хельсинкского университета [6, Isaksson P., с. 250–257; также 20, Itkonen T.I., с. 138–139, 144, 21, Itkonen T.I., с. 330–331].³

Финские расовые исследования довольно скоро столкнулись с теми же проблемами, которые вызвали научный кризис в других частях Европы. Общая картина погружалась в «безбрежную бесконечность» измерений, огромное количество характеристик и почти безграничное число переменных, что делало получение достоверных выводов невозможным. Помимо чисто научных причин, социальные и политические проблемы также оказали влияние на исследования в 1930-х гг.

Ведущий авторитет в этой области, профессор Вяйно Лассила, отделял себя от расовых теорий. Он считал их устаревшими и научно необоснованными, также критиковал политически изощёренные расовые иерархии, которые были «искусственно надуманными и не имеющими научной основы». Он критиковал доктрину расовой иерархии в 1935 г., которая оправдывала «бесчеловечность и жестокость» и служила теоретической основой для европейской экспансии и империализма [6, Isaksson P., с. 297–302].

Кризис расовых исследований, однако, не внезапно появился во взглядах других исследователей, не говоря уже о публичных дискуссиях. Например, географ Каарло Хильден

³ В 1995 г. черепа, эксгумированные с кладбища Инари, были репатриированы и захоронены снова в местах их изначального захоронения, см. 22, Lehtola V.-P.

все ещё представлял саамов в свете расовой иерархии в «Suomen maantieteen käsikirja» («Общий справочник по географии Финляндии») в 1936 г. Он интерпретировал длинный череп и вертикальные зубы европейской и финской расы как признак продвинутого развития, в то время как маленький рост, короткий череп и маленькие зубы лапландцев отражали их недоразвитость [22, с. 449–450].

Более сильные и более слабые культуры

Расовые теории оставались коротким, но заметным этапом в финских исследованиях. Однако они не инициировали идею саамской неполноценности по сравнению с европейцами и финнами. Идея иерархии между культурами была уже старой классической конвенцией финно-угорских исследований, которую можно считать другой теорией, основанной на эволюционизме. Культурное развитие понималось как постепенно возрастающее и прогрессирующее явление.

Многим финским исследователям было ясно, что более развитые народы вытеснили более слабые, такие как саамы, которые были вынуждены отступить на север. То, как «народы природы» остались на уровне культуры охоты, указывает на то, что они остановились в своем развитии. Они представляли древнюю финно-угорскую культурную форму, которая всегда оставалась неизменной. Это породило мнение некоторых этнологов, что, например, изучая систему деревни скольт-саамов, исследователь мог бы одновременно восстановить образ древнего финского общества. Эрик Терман заявил, что многие воспоминания из «детства наших людей» жили в традиции саамов [23, Therman E., с.109].

Обратной стороной застоявшегося развития было убеждение, что саамы являются «людьми без истории». Гегелевская идея была адаптирована в Финляндии Я. В. Снеллманом с подходом, что только люди, достигшие уровня, на котором они способны сформировать государство, могут говорить о своей собственной истории. С людьми, остающимися на уровне племенного сообщества, это был случай народной культуры, на которую в наибольшей степени повлияли внешние факторы. Например, для автора «Suomen historia» (1926, «История Финляндии»), К. О. Линдквиста, в истории саамов произошло только одно знаменательное событие: обращение в христианство. Это была единственная ссылка на саамов во всей книге [24]. Учебники по истории полностью игнорировали саамов.

С европейской точки зрения, описывать саамов как людей без истории было легко. Они не вели войн, не строили городов или крепостей, у них не было письменной истории. И в саамском прошлом не было и следа организованного общества. Было принято говорить о «блуждающих лапландцах», которые, по словам Дж. В. Руута, «блуждали по безбрежным ди-

ким местам и возводили свои простые «хижины» то здесь, то там. Оставались достаточно долго в одной местности, затем полностью исчезали» [25, с. 1033].

Помимо отношений, концепции исследователей в 1920-х гг. отражали объём знаний о саамах того времени. Только после изучения работ Вяйне Тэннера и Карла Никала в 1920–1930-х гг. стало очевидным наличие развитой социальной структуры среди саамов. Вместо простого «блуждания» и «блуждающих саамов» новые исследования показали, что годовой цикл саамов происходил в строго ограниченных районах по чётко согласованным правилам.

Основополагающий вывод в понятии «блуждающие саамы» был ясен: у саамов никогда не было постоянного жилья, даже узуфруктуарных территорий. Это был вопрос владения землёй и доказательства собственности, который возник и в чисто исторических исследованиях. Так, например, Дж.В. Руут отмечал, что саамов «едва ли можно принимать в расчёт, когда речь идёт об устройстве поселений на земле, в собственном смысле слова» [25, с. 1033]. Кайса Корпийаакко считает это понятие необоснованным, но указывает, что оно было широко распространённым в литературе по истории поселений и права в Финляндии в 1920-х и 1930-х гг. [26, с. 47–71].

Саамская история отражает тот факт, что многие концепции о саамах родились как некие побочные продукты, когда национальные науки пытались понять особый национальный характер финнов. Например, исследования Джалмари Яакколы и Вяйнё Войонмаа ни в коем случае не были посвящены истории саамов, эти два националистических историка обсуждали её только в той мере, в какой она была связана с национальными интересами Финляндии. Поэтому образ саамов по отношению к финской идентичности был чем-то вроде обратной стороны медали.

Область исследования саамов была отнюдь не однородной в 1920-х и 1930-х гг. Такие исследователи, как Итконен и Никал, в основном занимались саамскими вопросами, а такие исследователи, как Элиэль Лагеркранц, Кустаа Вилкуна, Ильмари Маненинен и Уно Холмберг (Харва) занимались подобными исследованиями в меньшем объёме.

Некоторые из учёных были исключительно лингвистами (Пааво Равила, Эрки Итконен), в то время как Т. И. Итконен, например, был типичным мультидисциплинарным учёным. Финская научная деятельность была самой оживлённой в Печенге, где представители почти всех возможных дисциплин, от геологов до археологов, ботаников и фольклористов проводили свои исследования до конца 1920-х гг. Однако главной оставалась проблема скольт-саамов [12, Vahtola J.].

Лаппологи представляли различные дисциплины науки, а также различные методы и

подходы. Здесь было востребовано понимание Итконена. Учёные также имели разные взгляды на исследовательскую политику. Многие исследователи считали, что изучение саамов — это интересная научная попытка записать характеристики «вымирающих» родственников. Противоположное понятие было представлено Карлом Никалом, который считал, что проблема саамов является «культурной проблемой» с этическим оттенком. Он пытался воздействовать на условия жизни саамов своими письменными работами и практическими политическими действиями. Он был одним из самых сильных сторонников проекта по сохранению Суониюля в 1930-х гг. [См. 18, Lehtola V.-P.].

«Настоящий саам никогда не ест вилкой и ножом»

Научные исследования, опубликованные в изданиях по различным дисциплинам и на международных аренах, часто оставались недостижимыми для широкой общественности. Таннер писал на шведском или французском языках, Итконен опубликовался в научных журналах, а лингвисты — в своих собственных изданиях. Произведения Самули Паулахарью были популярны, хотя самобытность саамов в них часто была связана со старым, даже мифологическим прошлым. Научные исследования, возможно, комментировали в прессе, и исследователи могли иногда публиковать популярные статьи в журналах или в национальной газете «Helsingin Sanomat».

Одобримое общественностью содержание статей требовало более популярных выражений, которые могли бы представлять науку в подходящих для аудитории формах, поощряющих национальное мышление. Таким образом, расовый образ саамов, например, оставался распространённым, несмотря на кризис расовых теорий в научных областях. Общественный образ саамов был разработан в более широкой области, чем наука и исследования. Многие простые финны, даже государственные служащие, направляющиеся в Лапландию, адаптировали своё восприятие из весьма разнообразной области коммуникации: от газет до художественной литературы и путеводителей, а также учебников, которые на самом деле могли иметь неоценимое значение через школьное обучение.

Представления о саамах в значительной степени появились в качестве побочного продукта «финского национального проекта». Саамы были тщательно изучены в свете финского национального самосознания и часто в качестве антитезы. «Информация» о саамах в этих источниках могла быть пронизана многими видами предубеждений и предрассудков. Научные концепции могли легко переходить в простое эволюционное мышление, которое применялось к саамам. Расовые теории смешивались с представлениями о различиях в развитии культур, финские национальные настроения превосходства были приправлены пре-

увеличенными заявлениями о выживании наиболее приспособленных. Кроме того, финское колониальное мышление и русофобия были добавлены к этой смеси в Печенге.

Когда транспортное сообщение с Лапландией улучшилось с появлением Арктической магистрали до Печенги, рядовые финны стали всё больше вступать в контакт с саамами. Помимо старых стереотипов о саамах, у туристов были свои ожидания и предрассудки, которые относились к условиям «более низкого» и «неразвитого» народа. Мнения, высказанные прессой и путеводителями, оказали сильное влияние на отношение путешественников, которые, как критикует Т.И. Итконен, «несколько высокомерно подняли пылевые облака вдоль дорог Лапландии» [20, с. 156]. Гражданский служащий с юга мог сделать следующий комментарий в газете «Рованиеми» в 1923 г.: «Культура Лапландии не такая низкая, как раньше. Саам уже достаточно хорошо информирован об условиях жизни в нашей стране. Грамотность уже довольно распространена, и газеты циркулируют в удивительных количествах. Но там всё ещё существует много примитивных и неразвитых».⁴

Многие представления о саамах того времени отражали культуру и взгляды их авторов, а не выражали что-то принципиально новое в отношении саамов. Посетители Лапландии могли сами приехать из любого городка, в котором была всего одна лошадь, но в Лапландии они могли вести себя как лорды, презирая саамов, и высокомерно относиться к ним так, как если бы они были низшими существами, хотя в их собственном домашнем хозяйстве не было ничего, достойного похвалы.⁵

Трудности были взаимными, когда условия и уровень знания других были неизвестны, но обычно только заявления большинства становились достоянием общественности. Вы можете прочитать об аналогичном отношении к саамам в некоторых отчётах о поездках. Например, школьный советник Раухамаа был потрясён северным сиянием во время катания на оленьих упряжках и хотел поделиться своим энтузиазмом с мальчиком-погонщиком. «Значит, это северное сияние?» — начал он. Мальчик указал на небо и ответил: «Ну, когда небо вспыхивает, это северное сияние, и эти маленькие белые точки — звёзды, а большое и круглое — это луна!» [27, Hämäläinen A., с., 78].

Точно так же прототип саама, Юхани Джомпанена, мог удивить туристов точными знаниями о длинных равнинах и крупных городах Германии. В 1910-е гг. он путешествовал по Средней Европе в «саамском караване» — саамской группе, которая представляла саамскую культуру в рамках колониальных этнологических шоу [28, Lehtola V.-P.]. Он считал Гам-

⁴ Rovaniemi 5.11.1923.

⁵ Suomenmaa 1931, с. 263.

бург и Щецин великими городами, но лучшим из них был Кёнигсберг, где родился сын Юхани. Знание Джомпанена о Хельсинки и Выборге, возможно, удивило бы или даже разочаровало туриста, который мог бы спросить, слышал ли когда-нибудь саам об улицах или жилых домах. Джомпанен посетил финский парламент уже во время российского правления и мог обсуждать с туристом, например, коллекции в Национальном музее [29, Pälvi S., с. 24].

Финский турист мог подозревать, что это вовсе не настоящий саам. Вопрос об аутентичности саамов часто поднимался авторами путеводителей, потому что сложившееся представление гласило, что саамы должны быть истинными детьми природы с сопутствующими характеристиками. Писатель в поисках подлинной саамской традиции, возможно, был разочарован, когда Пьера Торненсис, например, предложила петь гимны вместо запрошенной традиционной саамской музыки йойк [23, Therman E., с. 47]. Образованные или просто современные саамы приносили сюрпризы путешественникам, которые не знали, как реагировать на них. Эрнст Лампен задумался о первых «правильных саамах», которых он видел. Мальчик-саам из Инари, которого он назначил своим проводником, несмотря на свою явную саамскую внешность, начал петь «континентальные джинглы» в пустыне, мелодии из оперетт, таких как «Веселая вдова» и «Граф Люксембург». Мальчик путешествовал с караваном саама Джомпанена, и пребывание в немецких городах оставило на нём свой отпечаток [30, Lampén E., с. 78–80]. Инцидент был забавным случаем для Лампена, и он сделал развлекательную главу в путеводителе. Иногда современные саамы могли, однако, даже раздражать финнов. Саам, сидящий на заднем сиденье «форда», сделал замечание Илмари Турья, что «костюм саама не сочетается с автомобилем, и южно-ботнический нож не подходит к костюму саама» [31, Turja I., с. 58–70].

В школьной детской книге «Kotimaan kirja» Сальме Сеталя не одобрял норвежских саамов, которые вели «даже велосипеды в своих региональных костюмах, что казалось довольно смешной победой цивилизации». Сеталя критиковал то, что саамы построили свои сувенирные киоски вдоль больших туристических маршрутов и на окраинах таких городов, как Тромсё [32, с. 46]. Многие посетители Печенги чувствовали то же самое, когда видели, как скольт-саамы делают «бизнес» возле гостиниц вдоль Арктической дороги и автобусного маршрута. Хотя бедность саамов вызывала сожаление со стороны путешественников, такая деятельность за счёт туристов не допускалась. Культура, предлагаемая за деньги, не была подлинной.⁶

Претензия на «подлинность» была тесно связана с традиционным образом жизни и от-

⁶ Kaleva 21.08.1924.

сутствием современного влияния. В статье, опубликованной в журнале «Suomen Kuvalehti», Е. Н. Маннинен вложил своё мнение в уста своего друга-саама Пост-Овла (Guttorm). Говоря о сааме Гансе Скайти, который часто бывал в Хельсинки, Маннинен написал в своем характерном лёгком стиле: «Скайти не настоящий саам, он один раз побывал в Хельсинки и ел вилок в отеле Fennia с джентльменами» [33, с. 145–149]. Сакари Пэлси также отметил в 30-х гг., что современные времена с их причёсками, золотыми часами и полированными ногтями прибыли к саамам [29, с. 19–20].

В целом саамы, получившие влияние времени, считались «дезертирами» из своей собственной культуры. Авторы путеводителей заботливо рассматривали современное влияние как вредное для саамов.

Это часто выражалось в виде сострадательного взгляда на то, что аутентичный народ был испорчен в результате контакта с цивилизацией. «Высшая культура заразна, как чума», — сетовал Лампен [30, с. 122]. На заднем плане существовала идея социал-дарвинизма, согласно которой низшая культура не была способна слиться с более высокой. Саамы, «заражённые» культурой, как полагали, либо становились хуже — как это случилось со многими скольт-саамами в Печенге, или отказывались от своей культуры и становились финнами. Даже Армас Лаунис, имевший глубокое понимание саамской культуры, заявил: «Они не могут процветать в лучших и более благоприятных условиях, они засыхают, как лесные растения в саду» [34, с. 24–25].

Считалось, что у саамов не было шансов приспособить новые веяния к их культуре. По словам Ильмари Турья, они были лишены «всего оружия в борьбе против мира», и поэтому их вымирание как народа было лишь вопросом времени. Турья посоветовал саамской культуре стоять на месте: «...саам лучше всего приспособлен для своей первоначальной цели, чтобы бродить во фьельдах с оленями. Там он может вести себя как ребенок в песочнице. Потому что у саама ум ребенка, память женщины, хотя у него бородатое мужественное лицо» [31, с. 69–70].

Голосов, способных противостоять этой точке зрения, было очень мало. Карл Никал постоянно подчёркивал, что в течение истории саамы прекрасно приспособивались к довольно радикальным изменениям без потери самобытности [35]. Эрик Терман говорил о том, что саамы являются одними из самых стойких народов в мире и поэтому наиболее способны к развитию из-за их старомодного характера. По его мнению, сознание саамов «постоянно, как вода в своей непреклонной гибкости, препятствующей своей восприимчивости,

постигает все переживания на своем саамском пути и объясняет, и интерпретирует все саамам» [23, с. 67].

«Скольт, убирайся вон!»

Строительство дорог в Печенгу оказало большое влияние на развитие «новой колонии» Финляндии и на скольт-саамов, которые были присоединены к Финляндии по мирному договору. Помимо поселенцев, государственных служащих и различных исследователей, сюда пришли туристы, которые направлялись к Арктическому морю и уникальным фьордам Финляндии. В то время как самые трудолюбивые скольты воздвигали сувенирные киоски или фотографировались с туристами за деньги, туристы искали «подлинный опыт», другими словами, они хотели получить свои приключения и сделать фотографии сколтов самостоятельно и бесплатно.

Поэтому к скольт-саамам часто приходили неожиданные посетители — и какие посетители! Подобно Ваасану Яакку, известному финскому писателю, они могли бы довольно просто войти в дома сколтов и начать осматривать как жилища, так и обитателей: «Жилые дома сколтов выглядят убого, а дверь настолько мала, что вам приходится опускаться на четвереньки, чтобы попасть внутрь. Я был очень расстроен, когда я толкнул дверь, и когда Нерманни попытался протиснуться через эту же дверь, его плечи застряли». В этом юмористическом описании писатель Остроботниан выразил презрение к хозяевам дома, описывая пестроту интерьера, и другим обитателям, которые были «потомками от смешения русских и саамов» [36, с. 96–97].

Ваасан Яаккоо и Эрнст Лампен, писатели-путешественники, являются, пожалуй, крайними примерами высокомерной наглости, отражающей отношение финнов к Печенге. Несмотря на то, что Печенга была одним из самых многонациональных регионов Финляндии, вместе с Выборгом, финские национальные круги очень негативно относились к коренным народам региона — к сколтам, карелам и русским. У них был идеалистический взгляд на Печенгу как на врата Финляндии, растущей к благосостоянию. В этом свете скольты являлись абсолютной противоположностью желаемому промышленному прогрессу. Поскольку финская идентичность юга представляла собой точку сравнения для развития, старое финское или норвежское поселение вызывало положительные оценки у посетителей, а также симпатию из-за суровых условий. Для сравнения, авторы путеводителей открыто выражали своё презрение к скольт-саамам.

Как и Ваасан Яаккоо, многие финны смотрели на «этих странных и забавных маленьких старых карликов» и удивлялись, что «русские лица были в телах полусаамов». Саамские

хижины также «имели такие же размеры и выглядели как свинарники в наших краях». Лампен описывал скольт-саама, встреченного в гостинице Трифоньяниemi: «Какой глупый коротышка! — Этот потомок Распутина имел густую бороду, спутанные волосы, и выглядел так, будто он был уменьшен от большего размера. Лицо русского дикаря, но ростом с карлика. Не мог смотреть на него без смеха. Размер головы и ширина плеча слишком велики для его роста. Создание для тантамарески!» [30, с. 114–118, 122]. Аналогичным образом, одетый в смешную накидку Ваасан Яаккоо издевался над скольтами за глупость, когда, например, ребенок скольта увидел поезд и спросил: «Это олени тянут поезд?». Яаккоо тоже позабавило, когда скольт бросил свои деньги на прилавок в магазине и сказал: «Что вы даете за это?» [36, с. 101–102].

Презрение финнов к скольтам частично объясняется антироссийскими настроениями, которые проявлялись как откровенная русофобия после обретения независимости. «Каждый скольт произошел от монаха Печенги со стороны отца», — комментировал Лампен. Описание скольтов, однако, в значительной степени соответствовало старой традиции описания саамов. Они включали нечистоплотность, лень, простоту и примитивность, а также безнравственность. Авторы путеводителей охотно истолковывали несходство саамов в образе жизни и культурных формах как расовую характеристику или признак культурной неполноценности. Они даже не пытались понять контексты.

Удивление и насмешку вызывал тот факт, что «придорожные скольты» не хотели развития их жизненного уклада, как предлагало финское общество, такими способами, как развитие сельского хозяйства или наёмный труд в рыбной или горнодобывающей промышленности. Путешествующие писатели считали это примером основного порока скольтов — их лени [37, Mörne H., с. 245].

Финны считали, что скольты должны немедленно изменить свой уклад жизни с упадочнического на новый «будущий». По мнению Карла Никала, у финских государственных служащих было мнение, что все скольты должны начать выращивать картофель и держать крупный рогатый скот, когда их попросят. Однако у Никала было много примеров тех трудностей, которые могли привести к проблемам с содержанием громоздких коров в полукочевой культуре [см. 18, Lehtola V.-P.].

Понятия о скольтах как о неисправимых ворах оленей — отдельная тема финских авторов. Уже в 1920 г. Юхо Коскимаа опубликовал короткий рассказ, в котором изображена охрана ограды на восточной границе до начала Первой мировой войны. В коротком рассказе

скольтов считают такими безнадёжными, что жестокое убийство двух воров-скольтов, отца и сына, рассматривается как оправданное действие [38, с. 5–19].

Наиболее известным примером, возможно, самой расистской книги в истории финского литературоведения может служить «Ihmismetsästäjiä ja Erämiehiä» (1933) К. М. Валлениуса, в которой автор вспоминал о своей карательной миссии в качестве коменданта пограничной охраны Лапландии в период после гражданской войны. Финские солдаты в гражданской одежде совершили военное нападение на скольтов, которых подозревали в воровстве оленей. В стиле приключенческих книг Валлениус использовал многие литературные стереотипы о саамах для того, чтобы представить скольтов как врагов и оправдать военные действия [39, Wallenius K.M., с. 19–92; 40, Lehtola V.-P., с. 227–241]. Эрkki Илмари, который восхищался книгой Валлениуса, также опубликовал короткую историю о скольте-оленеводе Киурели, «единственном честном скольте», который в итоге оказался нечестным [41, с. 134–141]. По сравнению с описаниями Фьелль Сами или Тана Сами, например, которые определённым образом восхищались саамами, несмотря на их отцовский снисходительный тон, анти-саамские настроения авторов поразительны. Не будет преувеличением сказать, что в 1920-х и 1930-х гг. в художественной литературе позитивные описания скольт-саамов отсутствуют. В научной литературе вы можете найти несколько более позитивных оценок.

Фольклорный коллекционер Армас Лаунис [34, с. 28–29] и Ж.Э. Розберг резко критиковали туристов за их предрассудки. По словам Розберга, многие посетители на севере, не говоря уже о Южной Лапландии, не видели настоящих саамов, кроме людей, принадлежащих к «вырождающемуся классу», которые привлекают туристов или зарабатывают деньги, позволяя делать их фотографии [42, с. 113]. Даже мнение Розберга и Лауниса заключалось в том, что скольты, позирующие для туристических камер, вырождались и теряли свою «аутентичность». Это разделение на вырождающихся «придорожных скольтов» и более продвинутых скольтов деревни Суоникюля было типичным и среди должностных лиц, таких как бейлиф Печенги.⁷

Неудивительно, что из-за негативного образа скольтов и национального самомнения финнов, осуществлялись, как известно, даже расистские действия против скольтов. Лаунис упоминает, что когда скольт вошел в гостиницу где-то в Печенге, хозяин гостиницы поднял руку, указал на дверь и скомандовал: «Скольт, убирайся вон!» [35, с. 24]. Подобное отношение разделяли все гражданские служащие. Лапландский служащий Ээро Лампио описывал

⁷ Доклад губернатору Оулу от бейлифа Печенги 10.02.1927. OLKA Hc5:3. Oulun maakunta-arkisto (региональный архив Оулу).

скольта в своей книге об охоте среди прочих представителей «фауны» и других «существ», удивляясь их полуметровым лапам и их бесформенному телу длиной в метр. Во время охоты Лампио вместе с товарищами забавлялся тем, что заставлял мальчиков-скольтов лаять на зайцев [43, Paasilinna E.]

Ослабление популяции и саамский нос

Как показывают примеры из разных научных дисциплин, идеи о расовой и культурной иерархии составляли основу для обширных народных дебатов о саамской культуре. Цепочка дедукции, которую они создали, была также внутренне непоследовательной и изображала мрачную картину будущего саамов. Предполагалось, что отсутствие истории было признаком неспособности застойной культуры развиваться до уровня сельского хозяйства. Отмечалось, что развитие привело только к дегенерации саамов, как доказали «придорожные саамы», живущие на окраине поселений. С другой стороны, дегенерация показала, что стремление саамов отказаться от культуры является признаком их расовой неполноценности, включающей также примитивную социальную жизнь и низкую мораль.

Всё это вело к явному выводу в научных публикациях и путеводителях: саамы были исчезающим народом. Иногда это комментировалось с меланхолией; чаще использовалось для содействия развитию и прогрессу, который должен был «сместить несущественное и нежизнеспособное». Илмари Турья заявил: «Люди Лапландии бредут по пути к их быстрой смерти» [31, с. 70]. По словам Росберга, саамский язык исчезает в современную эпоху, что сглаживает всё многообразие, и от саами ничего не останется, кроме «названия и некоторых смутных рассказов» [42, с. 162]. Эта точка зрения была настолько очевидной, что ведущие саамские исследователи высказывали похожие понятия, начиная с Т.И. Иконена.

Особенно проблематичными эти взгляды стали после того, как государственные служащие приняли их в качестве руководящих принципов на территории саамов. Поэтому констебль Утсйоки, егерь-капитан Е.Н. Маннинен, мог заявить в газете, что саамы могут исчезнуть как представители слабой культурной формы. Маннинен предупреждал финнов не тратить государственные средства на умирающий язык и исчезающую культуру. В мышлении Маннинена граница между культурным миром и саамской культурой была непреодолимой. Сущность саама включала природный уклад жизни, неграмотную культуру, язык и костюм саама. Все они уступили место цивилизации.

Когда саамы впитывали новые веяния, они стали испорченными и потеряли свою аутентичность. Для Маннинена саам, появившийся в современную эпоху, мог быть только «чудом за деньги».

Маннинен представлял пример определённого вида социального дарвинистского мышления, согласно которому действия общества по оказанию помощи меньшинствам были насильственными, подрывали естественный порядок и имели неизбежный итог: исчезновение более слабого. Борьба за существование и естественный отбор также работали в обществах параллельно с природой. Поэтому для общества было неправильно направлять поддерживающие действия на группы, которые естественный отбор обрекал на вымирание. [45, Broberg G.; 19, Kemiläinen A.] Многие другие чиновники считали, что развитие наложило на саамов барьеры, которые они не могли преодолеть. Для них культурная и расовая слабость саамов означала противоположность потребностям развития финского общества. Бейлиф Печенги, В.Ф. Плантинг, в документе, адресованном губернатору графства, характеризовал культуру скольтов как застойную, примитивную культурную форму, которая не имела места в развивающемся финском обществе. Резкое мнение было основано на стремлении бейлифа развить Суоникуле с помощью государственного финансирования в качестве демонстрации финских разработок, полностью исключая скольтов из государственной опеки.

Тот факт, что расовые исследования были одной из ключевых областей в медицинских исследованиях, также нашёл отражение во мнениях врачей. Представитель национального совета здравоохранения Л.Ф. Розендаль выразил типичную точку зрения, согласно которой скольт-саамы «находятся в довольно примитивном состоянии». С другой стороны, финны объясняли первобытность скольтов политическими аргументами, например тем, что они жили «на далеком тёмном севере под угнетением царя, а затем с советско-русским дамочным мечом над ними». Одна из районных медсестёр, Сайми Линдрот, все ещё размышляла в Утсйоки около 40-х гг., соответствовали ли жители Утсйоки расовым характеристикам. Сообщается, что нет: некоторые были слишком высоки для саамов, некоторые — слишком светловолосы [45, с. 43].

Районный врач Соданкюля Онни Лайтинен видел расовое ослабление как ещё одну причину распространения туберкулёза. Заболевание распространилось в конце 1920-х гг. на юрисдикцию Лапландии, в которой проживали как финны, так и саамы, но Лайтинен считал его особенно страшным для слабых рас: «Туберкулёзные бактерии не заражают здоровых людей. Он [туберкулёз] нацелен на тех, кто слаб и стал восприимчивым к болезням».

Опираясь на стереотип о том, что оленеводство является изначальным саамским образом жизни, Лайтинен заявил, что саамы допустили ошибку, отказавшись от «здоровой кочевой жизни» и поселившись в бревенчатых домах в качестве постоянных жителей. Согласно Лайтинену, тёплая саамская одежда имела расистский «ослабляющий» эффект, особенно

для детей, которые стали восприимчивыми к болезням. Снижение взаимодействия и межрасовые браки также повлияли на ослабление расы. Лайтинен, высший медицинский служащий, заявил: «Все старшие учёные из Лапландии сделали наблюдение, что умственная острота, характерная для саамов ещё тридцать лет назад, теперь ушла в прошлое. Разумеется, всё же могут быть исключения, но пока нездоровый образ жизни, принятый ранее этим энергичным кочевым народом, продолжается, саамское население будет постоянно ослабевать, и раса исчезнет. Саамы потеряли свои корни, когда они стали отчуждены от своего оленеводства и стали поселенцами».

Для чиновников развитие также означало продвижение сельского хозяйства, что стало кульминацией развития также на финно-угорской теории. Рядом с ним оленеводство считалось укладом прошлого. Такое отношение демонстрировали важные государственные служащие, такие как магистр права Артур Аспелин, который был избран членом парламента Финляндии от прогрессивной партии в 1922 г. в избирательном округе Лапландии. Он утверждал, «что оленеводство в Лапландии является изжившим себя средством к существованию, и что для провинции было бы опасно пытаться оживить его». Аспелин считал, что субсидирование кочевой жизни просто продлит период перехода к сельскому хозяйству. Влияние оленеводства на человеческую природу было связано с «...нежеланием заниматься регулярной работой, особенно работой на ферме, подозрительностью, стеснительностью. И искоренение этого требует десятилетий, если не веков. Показательным в этом отношении является то, что только несколько саамов зарегистрировались или участвуют в работах, предлагаемых государством или компаниями, хотя заработная плата в наши дни небывалая. Нет, он скорее будет лежать дома и жить в нищете».

Превосходство и могущество сельского хозяйства для финнов не вызывали никаких сомнений. Аспелин заверил, что «дух сельского хозяйства является единственной истинной ценностью, спасителем людей и земли, которую нужно культивировать, вдохновлять, возрождать». Его точка зрения заключалась в том, что занятие оленеводством должно либо умереть естественной смертью, либо оно должно перейти на новый уровень. Его предложение состояло в том, чтобы перестроить систему оленеводческих пастбищ в кооператив, в котором всеми оленями можно было бы управлять без частной собственности на них.⁸

Такое развитие может быть также обращено вспять с точки зрения саамов. Самули Паулахарью увидел как саамы-олeneводы Киттиля и Муонио превратились в поселенцев и считали это понижением в ранге: «Кочевник, ухаживавший за тысячеловым диким лесным

⁸ Aspelin A.: «Tulevaisuuden elinkeinot Lapissa» Kaleva 27.2.1921.

рогатым скотом, был вынужден заботиться о глупых и медленных навозных животных. Житель леса, выросший на щавеле по собственному удовольствию, начал выкапывать своё бывшее оленьё пастбище в поту и крови, чтобы создать жалкое картофельное поле и крошечный кусок ячменя»[46, с. 76].

Аналогичным образом Карл Никал отмечал, что во многих случаях южные фермеры, импортирующие средства к существованию, понесли убытки из-за бесплодия Северной Финляндии: «Они часто выигрывали сначала, но обычно второе поколение испытывало спад». Он считал, что культурная форма, разработанная в северных районах, лучше соответствует местным требованиям, чем иностранное «дорожное поселение»: «Дорога частично освобождает поселения от местных ограничений региона и позволяет себе взаимодействовать с регионами, откуда она берёт начало, и которые обеспечивают материальные преимущества посредством дороги. Но этот механизм не работает в различных условиях, когда экономический дефицит и другие недостатки, затрагивающие техническую культуру и её организацию, нарушают её бесперебойную работу; тогда поселение может пострадать, а потребности, приобретённые в более процветающих регионах, не выполняются, жизненный уровень снижается, и требуется экстренная помощь»[36; 47, с. 65].

Понимание шансов на выживание культуры саамов не зависело от того, является ли отношение писателя к саамам положительным или отрицательным. В своей отеческой снисходительности, позитивное или восхищённое отношение могло содержать такое же понятие примитивного или детского уровня людей природы, которые не имели квалификации, чтобы выжить в современном мире. Одним из наиболее полнокровных примеров такого отношения был Эрик Терман, шведскоязычный писатель из Хельсинки, чьи работы сочетают в себе пронизательность исследователя с социальными дарвинистскими взглядами. В своей основной работе «Blandnoiderochnomader» (1939) Терман показал, что он хорошо наблюдал за повседневной жизнью и слушал людей, в то время как его увлечённость собирательством историй о колдовстве и мифической истории саамов указывали на некую романтическую тенденцию.

Интерес Термана к расовым теориям привёл его к наблюдению за формами головы саамов, малым ростом и носами представителей разных кланов, вроде как, с точки зрения науки. Выводы Термана, объединённые с его отцовским снисходительным отношением к саамам, были довольно простыми заявлениями о расовых теоретических идеях, которые культивировались в печати и общей научной литературе. Ссылки Термана на расовые теории были просто замораживанием более традиционного образа саами, который включал иерар-

хии между культурами, а также верования примитивного характера естественных людей [30, с. 152, 163, 223, 290, 369].

Заключение

Критические или даже пренебрежительные оценки, которые я приводил в начале этой статьи, освещают, как лаппология ухудшала репутацию саамов, особенно в начале новых исследований в 1970-х гг. Исследовательская деятельность самих саамов возникла в чётко сформулированной форме в 1973 г., когда Саамский университетский колледж был открыт в Кутокейно в Норвегии. Исследовательский институт, управляемый саамами, подчеркнул право саамов определять свою отправную точку для исследований. Среди наиболее известных манифестов была критика 1974 г. Альфа Исака Кескитало в отношении асимметрии между исследованиями в отношении доминирующего населения и меньшинства, и необходимость «самификации» исследований саамов.

Радикальное саамское движение также ввело понятия колониализма и империализма в сферу исследований, и именно «лаппология» представила их лучше всего. Как и в других секторах общества, радикальная и антитетическая позиция привели к проблемам; они подошли довольно близко к понятиям лаппологов, от которых хотели отделиться. Идеализированную саамскую культуру и наши собственные информационные системы противопоставляли «западной культуре» и «лаппологии», которые понимались стереотипно. Этот антитезис был необходим на этапе формулирования вопросов.

По мере развития исследований саамов, многие позиции оказались более сложными, чем считалось ранее. Этнографические, лингвистические и географические исследования были дополнены исследовательскими методами археологии и истории, методами исследования социальной антропологии и теории образования, а также сильным влиянием исследований коренных народов. Время от времени предметом обсуждения становится антагонизм между внешними и саамскими исследователями, но зачастую результатом является утверждение, что все они необходимы. Исследование саамов имеет свои собственные отправные точки, которые связаны с потребностями саамского сообщества. Исследования, проводимые внешними организациями, отражают интерес и соображения доминирующего населения, и на них также важно реагировать с точки зрения взаимодействия между большинством и меньшинством.

Хотя образ исследования саамов стал более разнообразным, образ лаппологии остался довольно спорным и дуалистическим. Подчёркивая, что текущее исследование саамов также опирается на результаты более ранних исследований, некоторые люди отмечают

важность лаппологии совершенно некритически, не желая тщательно делать свою работу в повседневной политической реальности. Вопреки этой точке зрения, существует мнение, что лаппологи являются фаворитами колониализма, которые никоим образом не воспринимают саамские понятия и конвенции, но хотят ассимилировать их в доминирующие культуры.

Лаппологию часто понимают как последовательный способ мышления и систему с исследователями в качестве её агентов. В моей статье говорится, что в случае с Финляндией так называемые лаппологи представляли разные отрасли науки: от лингвистики до географии и этнографии. Они представляли много научных тенденций, и традиции географии человека и финно-угорские исследования были чётко разделены в Финляндии. Исследователи имели различные идеи о том, какую роль играло исследование в мажоритарных/миноритарных отношениях, т. е. они просто практиковали «науку как науку» или же они рассматривали свою собственную исследовательскую деятельность как часть социальных и даже политических дебатов.

Приблизительная природа термина лаппология — ещё более сложная проблема. В моей статье я предположил, что многие последующие заявления, научные тексты, полунучные или популярные саамские описания, а также публично сделанные провокационные заявления были сгруппированы в соответствии с концепцией лаппологии. Националист, описывающий собственные предрассудки в путеводителях, или гражданский служащий, плохо знакомый с местными обстоятельствами, называется «лаппологом», как и исследователь, хотя суффикс «лог» этого термина в основном относится к человеку, производящему научные знания.

Нечёткость концепции отражает, однако, неопределённость «знания» в отношении саамов в более общем плане. Будь то государственные служащие в Лапландии, обозреватели в национальных средствах массовой информации или лица, принимающие решения на разных уровнях, кажется, что «знание» относительно саамов, к которому они обращались, не обязательно основывалось на научных взглядах. Помимо фактов, образ саамов включал в себя множество концепций, мифов и стереотипов, которые складывались на протяжении веков и которые были обеспечены господствовавшими тогда идеями теории развития и даже социального дарвинизма. Этот образ саамов был разработан в печати, учебниках, путеводителях и других популярных изданиях. Эти взгляды, возможно, заложили основу для решений, которые касались саамов в отношении законодательства по оленеводству, политики в области образования и местного самоуправления.

Литература / References

1. Pulkkinen R. Research History of the Lappology, *The Saami — A Cultural Encyclopaedia* / ed. Kulonen U.-M., Seurujärvi-Kari I. and Pulkkinen R., Helsinki, SKS, 2005, 506 p.
2. Mathisen S.R. Changing Narratives about Sami Folklore: A Review of Research on Sami Folklore in the Norwegian Area. *Sami Folkloristics* / ed. Pentikäinen J. et al., Turku, Nordic Network of Folklore, 2000, 284 p.
3. Hirvonen V. *Sámeeatnamajienat: sápmelašnissonabálggisgirječállin*, Guovdageaidnu, DAT, 1999, 252 p.
4. Seurujärvi-Kari I. Saami studies, *The Saami — A Cultural Encyclopaedia* / ed. Kulonen U.-M., Seurujärvi-Kari I. and Pulkkinen R., Helsinki, SKS, 2005, 506 p.
5. Pääkkönen E. *Saamelaisuus sirkumpolaarisena etnisyytenä*, Dieđut 1 / 1995, Oulu and Kautokeino, University of Oulu, Research Institute of Northern Finland, Sámi Instituhtta, 1995, 129 p.
6. Isaksson P. *Kumma kuvajainen. Rasismi rotututkimuksessa, rotuteorioiden saamelaiset ja suomalainen fyysinen antropologia*, Pohjoiset tarinat 1, Inari, Kustannus-Puntsi, 2001, 397 p.
7. Sammallahdi P. 1985. Saamelaiset ja saamen kieli, *Lappi 4, Saamelaisten ja suomalaisten maa* / chief ed. Linkola M. Hämeenlinna, Arvi A. Karisto Oy, 1985, pp. 151–166.
8. Müller-Wille L. Finnish Lapland between south and north: developments in anthropology and human geography since the 1920, *Terra*, No. 1 (101), 1989, pp. 67–77.
9. Hansen L.I. Just K. Qvigstad's contribution to the study of Sami culture, *Acta Borealia*, 1992, Volum 9 (2), pp. 47–68.
10. Rautio Helander K. *Namat dan nammii. Sámi báikenamaid dáruiduhttin Várjjaga guovllus Norgga uniovdnaáiggi loahpas*, Kautokeino, Sámi Insituhtta, 2008, 317 p.
11. Lehtola V.-P. The Right to One's Own Past. Sámi cultural heritage and historical awareness, *The North Calotte. Perspectives on the Histories and Cultures of Northernmost Europe* / Lähteenmäki M. and Pihlaja P.M., Publications of the Department of History, Helsinki and Inari, University of Helsinki and Kustannus-Puntsi Publishing, 2005, 180 p.
12. Vahtola J. Petsamo Suomen tieteen tutkimuskohteena. *Turjanmeren maa. Petsamon historia 1920–1944* /ed. Vahtola J. and Onnela S., Rovaniemi, Petsamo-Seura, 1999, 796 p.
13. Itkonen T. *Lapin-matkani*, Helsinki, WSOY, 1991, 304 p.
14. Paasilinna E. *Kansan palvelijoita. Kootut kirjoitukset 1964–1984*, Helsinki, Otava, 1986, 428 p.
15. Massa I. The problem of the development of the north between the wars: some reflections of Väinö Tanner's human geography, *Fennia*, No. 2 (162), 1984, pp. 201–215.
16. Susiluoto P. Suomen ajan ihmismaantiedettä Petsamossa, *Ihmismaantieteellisiä tutkimuksia Petsamon seudulta, 1 Kolttalappalaiset* / ed. Susiluoto P., Helsinki, Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000, 110 p.
17. Nyyssönen J. Väinö Tanners uförutsedda karriär – från statsexpert till emigrerad professor, *Historiska och litteraturhistoriska studier 90, Årsbok för Svenska Litteratursällskapet i Finland*, Helsingfors, 2015, pp. 135–170.
18. Lehtola V.-P. Research and Activism in Sámi Politics: The Ideas and Achievements of Karl Nickul towards Securing Governance for the Sámi, *Acta Borealia*, No. 1 (22), 2005, pp. 153–169.
19. Kemiläinen A. Mongoleista eurooppalaisiksi suomalaisessa roduntutkimuksessa, *Mongoleja vai germaaneja* / ed. Kemiläinen A., Helsinki, Suomen historiallinen seura, 1985, 549 p.
20. Itkonen T.I. *Suomen lappalaiset I–II*, Helsinki, WSOY, 1948, 589 and 629 p.
21. Itkonen T. *Pippinä ja pappina*, Helsinki, WSOY, 1970, 464 p.
22. Hildén K. Antropologiset tunnusmerkit, *Suomen maantieteen käsikirja* / ed. in chief Hildén K., Helsinki, Suomen maantieteellinen seura, 1936, pp. 19–66.
23. Therman E. *Noitien ja paimentolaisten parissa*, Finnish version: Heikki Annanpalo, Helsinki, WSOY, 1939 / 1990, 390 p.
24. Lindeqvist K.O. *Suomen historia*, Helsinki, WSOY, 1926, 546 p.
25. Ruuth J.W. Suomen asutus ja valtiolliset rajat vuoteen 1617, *Oma maa 1*, Helsinki, WSOY, 1920, pp. 101–105.

26. Korpijaakko K. *Saamelaisten oikeusasemasta Ruotsi-Suomessa: Oikeushistoriallinen tutkimus Länsi-Pohjan Lapin maankäyttöoloista ja -oikeuksista ennen 1700-luvun puoliväliä*, Helsinki, Lakimiesliiton kustannus, 1989, 595 p.
27. Hämäläinen A. *Teno — Suomen kaunein joki*, Helsinki, WSOY, 1945, 112 p.
28. Lehtola V-P. Sami on the stages and in the zoos of Europe, *L'Image du Sápmi II. Études compares*, Textesréunis par Kajsa Andersson / ed. Andersson K., Örebro University, Humanistic Studies at Örebro University, 2013, pp. 324–352.
29. Pälsi S. *Petsamoon kuin ulkomaille*, Helsinki, Otava, 1931, 101 p.
30. Lampén E. *Jäämeren hengessä*, Jyväskylä, Gummerus, 1921, 239 p.
31. Turja I. *Ruijan rantaa ja Ruijan merta. Kveenejä ja kinttupolkuja*, Helsinki, WSOY, 1928, 188 p.
32. Setälä S. Pohjoista kohti, *Kotimaan kirja. Maakuntalukukirja. Lappi-Petsamo* / ed. Hänninen L., Kohonen A. and Setälä E.N., Helsinki, Otava, 1927, pp. 5–15.
33. Manninen E.N. 1934 / 1998, *Kahdentoista härjän raito*, Inari, Kustannus-Puntsi, 247 p.
34. Launis A.: *Kaipaukseni maa. Lapinkävijän matkamuistoja*, Jyväskylä, Gummerus, 1922, 121 p.
35. Nickul K. Suenjel, kolttain maa, *Terra*, No. 2 (45), 1933, pp. 68–86.
36. Vaasan Jaakkoo *Petsamhon valaskaloja onkimhan. Matkakuvaus*, Jyväskylä, Gummerus, 1924, 216 p.
37. Mörne H. *Ruijan rannoilta Petsamon perukoille*, Finnish version V. Hämeen-Anttila, Hämeenlinna, Karisto, 1939, 259 p.
38. Koskimaa J. *Pohjalaisia ja peräpohjalaisia*, Oulu, Kirjola, 1920, 189 p.
39. Wallenius K.M. *Ihmismetsästäjiä ja erämiehiä*, Helsinki, WSOY, 1933, 191 p.
40. Lehtola V.-P. *Wallenius — kirjailijakenraali K.M. Walleniuksen elämä ja tuotanto*, Oulu, Pohjoinen, 1994, 441 p.
41. Ilmari E. *Vedenjakajan takaa. Erämaanmiesten parissa Lapin kairoilla ja kivelöissä*, Jyväskylä, Gummerus, 1934, 159 p.
42. Rosberg J.E. *Lappi*, Helsinki, Kansanvalistusseura, 1911, 240 p.
43. Paasilinna E. *Maailman kourissa. Historiaa ja muistoja Petsamosta*, Helsinki, Otava, 1983, 457 p.
44. Broberg G. *Lappkaravaner på villovägar. Antropologin och synen på samerna fram mot sekelskiftet 1900*, *Lychnos, Lärdomshistoriska Årsbok 1981–82*, pp. 27–86.
45. Lindroth S. *Terveysisarena tunturipitäjässä*, Mäntsälä: self-published book, 1970, 181 p.
46. Paulaharju S. *Kolttain mailta*, Helsinki, WSOY, 1922 / 1977, 237 p.
47. Nickul K. *Saamelaiset kansana ja kansalaisina*, Helsinki, SKS, 1970, 324 p.